

ДЕТИ И РОДИНА НА ФОРЗАЦАХ УЧЕБНИКОВ ПО ЧТЕНИЮ 1980-х – 2000-х гг.¹

THE CHILDREN AND THE MOTHERLAND ON READING TEXTBOOK ENDPAPERS
IN THE 1980s – 2000s

Макаревич Г.В.

Научный сотрудник ФГНУ
«Научная педагогическая библиотека
им. К.Д. Ушинского» РАО.
E-mail: makar16@mail.ru

Аннотация. Проанализированы формы
репрезентации детства и Родины в книгах
по чтению 1980–2000-х годов, выпускемых
издательством «Просвещение». Рассмотрев
последовательно 23 форзаца, автор
реконструировала содержание каждого
визуального послания и сформулировала
метапослание разных десятилетий: советскость
1980-х «На просторах молодой, бескрайней родины
дети быстро взрослеют и становятся гражданами»;
русскость 1990-х «В сказочно-могучей,
патриархальной стране живут трудолюбивые
и грамотные дети»; глобальность 2000-х
«По дорогам гармоничной, радостной страны
путешествуют заботливые, игривые дети, которые
открыты для общения с другими культурами».

Ключевые слова: начальная школа, учебник
по чтению, визуальные репрезентации,
семантико-педагогический анализ, образы
детства и Родины, метапослание, советскость,
русскость, глобальность.

Makarevich G.V.

Research fellow of the Ushinsky State Scientific
Pedagogical Library of the Russian Academy
of Education.

E-mail: makar16@mail.ru

Annotation. The article analyses the ways
childhood and Motherland are represented
in reading textbooks published by the
“Prosvesheniye” publishers in the 1980s –
2000s. Having analysed 23 endpapers, the
author reconstructed the substance of every
individual visual message and compiled
a meta-message of each decade: Sovietness
of the 1980s “In the free lands of the youthful,
boundless motherland children become adults
and true citizens”; Russianness of the 1990s “In
an unbelievably mighty patriarchal country live
the children who are hard-working and literate”;
Globality of the 2000s “Caring and playful
children travel the roads of a joyful country that
is in complete harmony with the whole world”.

Keywords: elementary school, reading
textbook, visual representations, semantic
and pedagogical analysis, images of childhood
and motherland, meta-message, Sovietness,
Russianness, Globality.

¹ Работа поддержана грантом РГНФ 11-06-00275а.

В числе значимых элементов любого учебного пособия находятся форзацы. Они аккумулируют множество заложенных в педагогический процесс социальных, образовательных, политических смыслов. Находясь под пристальным вниманием книгоиздателей и методистов, форзацы книг по чтению, однако, редко становятся предметом анализа у педагогов, социологов, культурологов, историков.² Восполним этот пробел в отечественной гуманитаристике и проанализируем семантику визуальных посланий, считываемых с форзацев учебника по чтению 1980-х – 2000-х годов. В поле зрения данной статьи поместим два стратегически важных для педагогического дискурса концепта: «детство» и «Родина»³. Их изучение осуществим с помощью семантико-педагогического анализа связанных с ними визуальных текстов, обрамляющих учебную книгу, функционирующую как пособие по обучению ребенка «чтению мира». Постараемся выявить *характер смысловых взаимосвязей между оформлением учебной книги и ее социализирующим потенциалом*. Каждая отдельная иллюстрация рассматривается нами как единица анализа. В ней предметом изучения является структура и масштаб изображения, место действия, представленные герои, предметы, понятия, явления и характер их презентации.

Изначальной посылкой наших рассуждений является представление о том, что форзац книги по чтению – это своего рода главная «шпаргалка» по усвоению учебного материала. С одной стороны, он содержит важную для восприятия информацию: что такое «художественная реальность», каким бывает человек в литературном произведении или в фольклорном тексте. С другой стороны, именно форзац аккумулирует социально значимые образы и объекты некоего исторического хронотопа:

- на его иллюстрациях, поскольку они относительно независимы от текстов учебника, *детей* и *взрослых* стремятся представить КАК БЫ естественно; такими, какими они могут быть в разных жизненных ситуациях, даже если это ситуации из сказок. Анализ способов презентации портретируемого ребёнка (его костюма, поз, мимики, жестов) в этом случае помогает понять, как зрителю преподносится образ «идеального чада», какие культурные нормы через это чадо транслируются, с какой исторической (или вымышленной) эпохой они корреспондируют;

- на иллюстрациях образ той страны, где проживают дети и взрослые, задан с помощью знаковых для конкретной эпохи *объектов* – эти объекты создают топографию некоторого воображаемого мира. Мира, в котором идеальные педагогические установки обретают форму и вес.

В качестве источника нами выбран эпохальный для отечественной дидактики источник, так называемый учебник Горецкого [5, 9, 4, 8]. Он прошел тридцатилетнюю

² Их рассмотрение начинается преимущественно в русле развивающей с конца 1980-х годов теории Жерара Женетта о периферии книжного текста. Одним из специфических видов «периферических текстов» можно рассматривать и форзацы учебника. (О подходе см. [1, 2].) В российском научном дискурсе предпочтитаются пока не рассматривать детально применение данного подхода к анализу визуальной «упаковки» книг, в том числе форзацев как «водораздела, вестибюля, занавеса» учебных книгоизданий [10].

³ Изучению особенностей советских вербальных текстов о Родине, в том числе текстов литературно-дидактического канона, помещённого в учебные книги для начальной школы, посвящено на сегодня немало исследовательских работ [3, 6, 7, 11].

«проверку практикой». В 1970-х гг. был создан как экспериментальное учебное пособие, в 1980-х и 1990-х гг. выступал в роли «стабильного учебника», в 2000-х гг. удачно вписался в рынок учебной литературы. Поскольку в 1970-х гг. форзацы данного источника не были проиллюстрированы, мы ограничим наше исследование 1982–2006 годами.

1980-е гг.

«Хорошая родина есть у ребят, и лучше той родины нет: дети-патриоты на службе у СССР»

В воспитании подрастающего поколения 1980-х годов «Книга для чтения» выполняла в первую очередь роль социального навигатора. Включённые в неё тексты и само художественное оформление подсказывали не только способы интерпретации образного ряда, но и стремились максимально отразить прошлое, настоящее и будущее страны Советов [3, с. 8–16].

Проанализируем форзацы четырёх книг по чтению (сост. В.Г. Горецкий и др.), выпущенных в 1982–1984 годах и бытовавших в образовательной практике до начала 1900-х годов [9].

Учебник **первого класса** открывается идеальной обобщённой «картиной нашей Родины» (рис. 1). В просторах неба летают самолёты и вертолёты. Причем они не улетают с Родины куда-то за ее пределы, но курсируют строго внутри ее границ, предлагаемых зрителю направлением их движения. Под небом изображена средне- или южнорусская природа, река, имеющая тенденцию к тому, чтобы называться Волгой. Показаны водный и железнодорожный транспорт. Корабли и поезда перемещаются среди полей с работающими комбайнами, зелёных рощ и лужаек, нарядных городков с блочной архитектурой позднебрежневского времени и крупных заводских гигантов, чудесным образом не испускающих ни облачка дыма. Единственная дорога, кроме железной и водной, – просёлочная. Не случайно именно она соединяет части изображенного идиллического мира «нашей социалистической Родины». «Малая», сельская родина становится, таким образом, скрепой для большой.

В итоге на всем форзаце зрителю представлена «картинка Родины», такой Родины, которую предлагается полюбить и считать своим миром, где всё тебе знакомое, всё родное (по Ушинскому). Мир светлого будущего в настоящем – таковой должна была быть «родная страна» в глазах детей, учившихся на ее «необъятных просторах», которым и был предназначен рассматриваемый массовый стандартный учебник.

Заканчивается книга для первого класса совсем иной картинкой (рис. 2). Читатель/зритель как бы попадает в далёкое прошлое той страны, где ещё нет идеи социализма, но уже присутствует некоторая детская идиллия. Одетые в русские народные костюмы дети очень напоминают взрослых. Они радуются и огорчаются не из-за каких-то детских дел и проказ, а по поводу организации социальной жизни. Единственное, собственно детское занятие – обучение грамоте – больше напоминает маскарадное действие, нежели отражает реалии церковно-приходского обучения в прошлом. Интересно, что изображаемый на этом форзаце образ Родины оказывается достоянием лишь русского народа, результатом развития именно его культуры (если не считать мальчика в тулупе, который может и не быть великороссом).

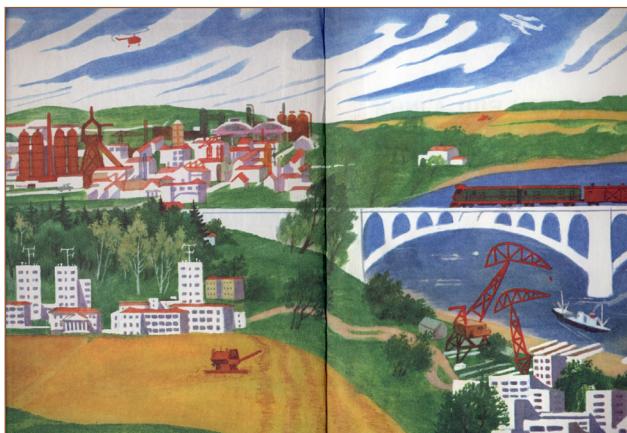

Рис. 1. 1 класс. 1-й форзац

Рис. 2. 1 класс. 2-й форзац

Процесс русификации советского пространства, шедший с 1940-х годов, к началу 1980-х выступает уже в оформленвшемся, чеканном виде. Визуальная концепция форзаца учебника первого класса не готова принять существование разных наций, не допускает диалог культур. Все однозначно и выверено: советский – читай «русский». Мы видим набор русских пословиц, изображённых в действиях, герои которых одеты в русскую народную одежду и показаны окружёнными традиционными для нее предметами обихода.

После такого «культурного послания» достаточно странно смотрятся форзацы учебника для **второго класса**. Русская культура становится одной из культур в СССР (рис. 3) и в мире (рис. 4). Однако все же не совсем «одной из», но центральной. Девочка в русской национальной одежде объединяет всех детей в СССР (рис. 3), а мальчик, одетый по моде начала XX века (Ванька Жуков?), объединяет всех детей мира (рис. 4).

Народы СССР «дружбой и братством сильны». Народы мира, «дети разных народов» «мечтою о мире живут» – так провозглашают соответствующие лозунги, набранные на форзацах мелким шрифтом. Итак, есть русский народ, есть «народы Советской страны», и есть «разные народы». Среди последних надежду на мирную жизнь питают только дети. «Отравленные капитализмом» взрослые, наверное, помышляют лишь о войне с советским социа-

Рис. 3. 2 класс. 1-й форзац

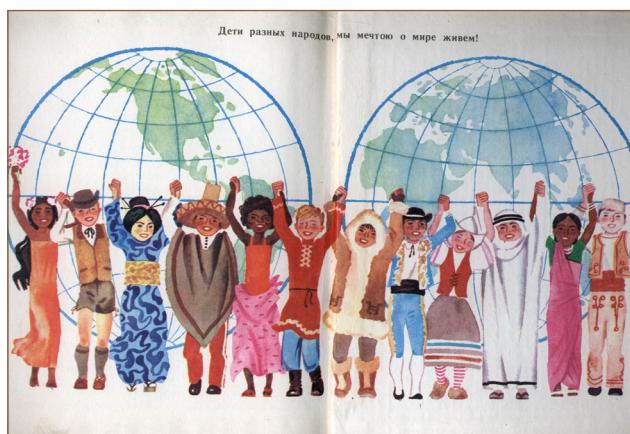

Рис. 4. 2 класс. 2-й форзац

листическим государством – Родиной всех живущих в ней детей. Общий «детский интернационал» имеет единственную надежду – на русского мальчика, который не допустит войны.

Форзацы учебника для третьего, последнего в начальной школе 1980-х, класса говорят именно об этом (рис. 5–8). На них ярко, эпически представлена военная тематика, начиная от былинных подвигов (рис. 6) и сражений Дмитрия Донского (рис. 5) и завершающая символической сценой, изображающей участие детей в войне 1941–1945 годов (рис. 8). Впервые на мгновение появляется тема участия в военной истории других народов: рядом с Емельяном Пугачёвым изображён всадник в традиционном башкирском головном уборе (рис. 5). Художник (или художники) допустил и другую «тайную вольность»: лицо водителя советского танка (рис. 8) изображено в таком ключе, в каком обычно в детских книжках того времени изображали фашистов (примечательно, что эта же иллюстрации повторена внутри учебника, но в танковом люке уже вообще никого не видно).

Ключевая тема форзацев книги для чтения в третьем классе (рис. 7–8) – история российского детства. Изображены четыре эпохи: дореволюционное детство (начало XX в.), дети в революцию 1917 года, дети в войне с фашистской Германией, дети позднебрежневской эпохи 1970-х годов. Художники явно не полностью исполняют идеологические установки

Рис. 5. 3 класс. 1 часть. 1-й форзац

Рис. 6. 3 класс. 1 часть. 2-й форзац.

Рис. 7. 3 класс. 2 часть. 1-й форзац

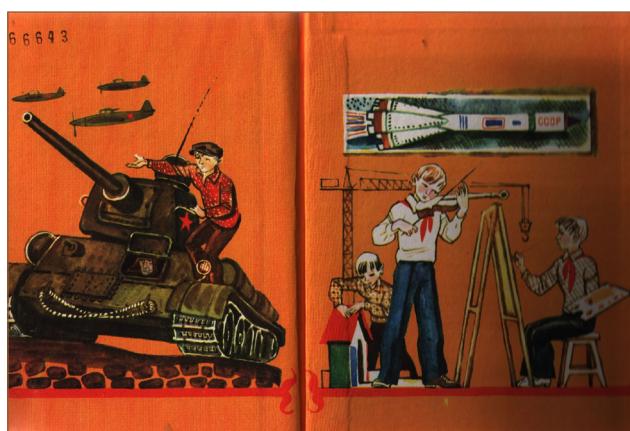

Рис. 8. 3 класс. 2 часть. 2-й форзац.

политики партии в области образования. Детство до 1917 года уже не изображено в сугубо тёмных, трагических, «подземельных» красках. Даже самый главный страдалец эпохи Ванька Жуков, побиваемый кухаркой, отнюдь не выглядит изможденным и печальным (рис. 7). Одежда его чистая, новая; выражение лица схоже со школьником, ждущим окончания наказания, чтобы снова начать шалить. Физическое наказание, необходимость помогать по хозяйству, обязанность учиться под угрозой ремня – таковы отличительные приметы дореволюционного русского детства (другое не показано), согласно концепции учебника начала 1980 – х годов, но в художественном мире они вызывают некоторую усмешку.

Труд детей 1980-х, наоборот, показан связанным с их собственным будущим, а не с исполнением велений взрослых (рис. 8). Вероятно, маленький создатель игрушечного дома станет строителем домов побольше. Мальчик-художник имеет шанс оказаться в ракете и нарисовать вид Земли из космоса (популярная в те годы идея). А подросток-музыкант, наверное, уже при деле, если он профессионально играет.

Романтизация социализма, свойственная и дизайну обложек данных учебников, немного корректирует и визуальный ряд на форзацах 3 класса: мы не видим воспевания тяжелого физического труда, строительства БАМ и т. п., привычных для рассматриваемого периода образов, замыкающих строителя социализма строго определённым набором «приоритетных возможностей» трудиться на «стройках социализма» и в цехах военных заводов. Освещая всю работу тема ракеты – единственная отсылка не только к космосу, но и к ВПК⁴, обусловливающему «обороноспособность страны». Все изображенные дети светловолосы, двое из них пионеры и носят галстуки даже тогда, когда трудятся. Символический ряд учебника третьего класса вновь почти полностью забывает тему многонациональности. Лишь фигура таинственного башкира или казаха рядом с Пугачёвым напоминает о полиэтничности населения России и СССР.

Военное детство 1940-х годов объединяет на форзацах учебника третьего класса обе темы: милитаристическую и детскую. Детство, ведущее взрослых в праведный бой за светлое будущее, – таким, вероятно, мыслился главный итог идейной «работы» форзацев учебника начала 1980-х годов со своей аудиторией. В таком дружном порыве должны объединяться «народы СССР» и «дети всей Земли».

1990-е годы «Где ребята – там и хата, там и родина моя»: дети – ряженые на подмостках старой России

В начале 1990 – х годов авторский коллектив под руководством В. Г. Горецкого выпустил пять новых учебных книг по чтению со знакомым каждому из нас названием «Родная речь» (сост. М. В. Голованова и др.) [4]. Основным содержанием форзацев первой и второй книг стали визуализированные пословицы. Они проиллюстрированы так, что тексты вос-

⁴ ВПК (сокр.) – военно-промышленный комплекс.

Рис. 9. 1-я книга. 1-й и 2-й форзацы

принимаются как исконно русские. «Родная речь» для тысяч детей беженцев, мигрантов, вынужденных переселенцев, «естественно», выступала в 1990-е как русская речь. Ассимилирующий всех и вся «советский интернационализм и патриотизм» конца 1980-х снял пионерскую форму и галстук и оказался в картузе, поддёвке и хромовых сапогах. Мотивы лубка добавили необходимый антураж. Благодаря такой идеологической установке иллюстрации к конкретным пословицам можно было, как осовременить (зонтиком и глобусом), так и архаизировать.

Труд и знание – центральные темы пословиц первой книги (рис. 9), в которой 1-й и 2-й форзацы имеют одинаковое оформление. Их тексты, с одной стороны, отсылают к риторике традиционного общества, с другой – отражают набор теперь уже переодетых советских культурных норм, в котором «героическому труду» и «научным достижениям» отводилось приоритетное положение.

Традиционализм и советскость, заданные в иллюстрации к первой пословице «Птица сильна крыльями, а человек дружбой» через образ всесильного коллектива (шестеро детей радостно несут огромную репу), неожиданно уступают место «тихим семейным ценностям» и крепкой дружбе мальчика и девочки. Это находит отражение во второй и третьей пословице и иллюстрациях к ним: «Крепкую дружбу и водой не разольешь», «Земля освещается солнцем, а человек знанием». Такой негласный поворот от привычного колlettivизма к личным радостям в начале 1990-х прочитывался как демократическое достижение. Это достижение, однако, было ориентировано не вперёд, а назад – к истокам истинной русскости.

Так, к примеру, визуальный ряд к пословицам «Не одежда красит человека, а его добрые дела», «Где труд, там и радость» содержит образы трудолюбивых детей обоих полов. В одежде и девочек, и мальчиков преобладают значения стародавности, некой стилизованной «русскости», имплицитно увязываемой с понятием трудолюбия. Эти значения усилены тем, что дети ведут себя по-взрослому осознанно и держатся несколько скованно. Их позы и занятия поданы в основном как нечто сказочно далёкое, несовременное. Крестьянские одежды также «возвращают» зрителя/читателя в прошлое (пра)бабушек и (пра)дедушек. Физический труд героев с иллюстраций, распределляемый строго по традицион-

ным гендерным стереотипам, маркируется как часть такого вечно назидающего стародавнего прошлого.

Таким образом, трудовой позитив, сознательно или неосознанно, формируется с обоснованием его лишь в далёком прошлом. Возможно, собственный биографический опыт составителей учебника «вопиет» против признания обоснованности и культурной ценности труда, исходя из времён их детства, молодости и взрослоти, времен концепта «труда» (читай: общественного) как важной части тоталитарной советской идеологии, и отсылает трудолюбие к стародавнему. Возможно, составители также рассчитывают на любовь ребёнка-читателя к театру, ярмаркам, карнавалам, где всегда есть шанс вместе со стилизованными русскими одеждами примерить и телесные практики вчерашнего дня.

Иллюстрация предлагает некоторый репертуар подобных практик: мальчик плетёт корзину, девочка вязет ему безрукавку (всё-таки и одежда красит человека, но сделанная руками, дома) и кормит гуся. Радостные дети – «крестьяне» даже изображают крестьянскую семью. Мальчик и девочка стоят рядом плечом к плечу и, улыбаясь, прямо смотрят на зрителя, приглашая и его в свой серьёзно-игровой мир. Игра в обычай традиционной культуры поддержана ещё и тем, что мальчик улыбается по-крестьянски сдержанно (одними губами) – ведь он хозяин маленьского «крестьянского» мира. Образ девочки, напротив, несколько эмансипирован. Она демонстрирует зрителю широкую улыбку с открытыми зубами, как бы напоминая о закадровом присутствии и других, более знакомых школьнику конца ХХ века, реалий.

О таких реалиях напоминают также зонт и глобус, нарисованные к пословицам «Крепкую дружбу и водой не разольёши», «Земля освещается солнцем, а человек знанием». Эти предметы осовременивают весь традиционалистки поданный антураж иллюстраций и вместе с тем – усиливают ощущение ярмарки и балагана. Смеховая народная культура и становится, по сути, предметом изображения на форзацах следующей, второй книги учебника «Родная речь» (рис. 10–13).

Действие на их иллюстрациях разворачивается в ином мире, а именно – под священным «лукоморским» дубом, со всей ему присущей иномирной атрибутикой (избушка на куриных ножках, кот учёный, дуб как мировое древо, сова и т. д.). Подобный отрыв от со-

Рис. 10. 2-я книга. 1 часть. 1-й форзац

Рис. 11. 2-я книга. 1 часть. 2-й форзац

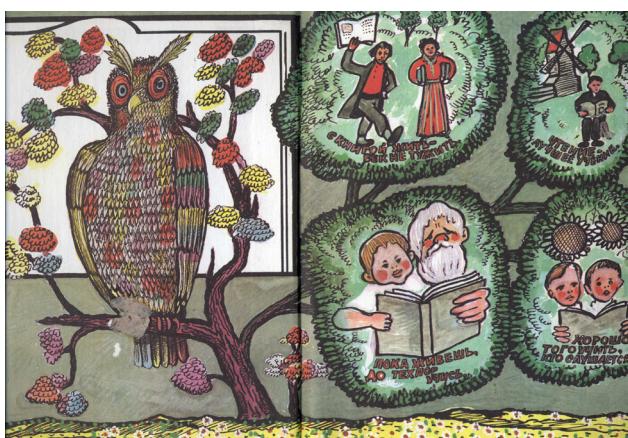

Рис. 12. 2-я книга. 2 часть. 1-й форзац

Рис. 13. 2-я книга. 2 часть. 2-й форзац

циальной действительности 1990-х помогает одновременно стилизовать сказочные «реалии» и чётко обозначить константы поведения людей досоветской России. Число предлагаемых ученику пословиц теперь значительно увеличивается. Если на форзацах первой книги (где одна иллюстрация использовалась дважды) было напечатано всего 5 пословиц, то на форзацах второй – 16.

Этому способствует постоянная смена кадра: на каждом форзаце обеих частей второй книги присутствует своя иллюстрация. Оба форзаца каждой из частей имеют общий сюжет и общее композиционное решение. Тема балагана ярче задана в первой части второй книги (рис. 10–11). Присутствие скоморохов в иллюстрациях-клеймах переворачивает смысл всех представленных пословиц и акцентирует внимание читателя/зрителя на отрицательных действиях персонажей. Так герой к пословице «Красна птица перьем, а человек – ученьем» выглядит как ярмарочный дурак (он втыкает в голову птичье перо), а изображенный рядом с ним павлин гордо демонстрирует всю мощь своего оперенья.

На форзацах первой части второй книги трудно отличить детей от взрослых. Малый рост здесь подан не как признак детскости: по канонам средневекового мышления он свидетельствует о низком социальном статусе героя. Роль этакого побиваемого скомороха выполняет подросток, недоросль, недоучка: «Неразумного учить – в бездонную бочку воду лить».

Еще один персонаж-подросток является оценивающим зрителем. Он помогает репрезентировать положительные и отрицательные культурные нормы традиционного общества: «Поговорка – цветочек, пословица – ягодка», «Длинная нитка – ленивая швея», «Какова пряха, такова и рубаха».

Можно предположить, что танцующий на канате герой пословицы «Всякий спляшет, да не как скоморох» также является подростком, причём подростком умелым и шустрым, своего рода мастером своего дела. Это единственный успешный, уверенный в своих силах персонаж из тех, кого условно можно назвать «подростками».

Иллюстрации к остальным пословицам «У страха глаза велики», «Шкуры не продаю, не убив медведя», «Старый ворон не каркает мимо» уже полностью сосредоточены на социальном взаимодействии взрослых, подтверждая тем самым идею быстрого взросления

ребёнка в традиционной культуре. Усиливающаяся, по сравнению с форзацами первой книги, пародийная интонация всех иллюстраций с людьми ставит под сомнение саму возможность серьёзного воспитательного процесса как школьников 1990-х, так и современных учеников (данний комплект учебников без особых изменений продолжат бытовать в образовательной практике 2000-х годов).

На форзацах второй части второй книги ситуация несколько меняется (*рис. 12–13*). Балаганный театр уступает место жанровым сценам назидательного содержания. В них мир традиционной культуры подан через разные типы взаимоотношений: ребёнок – взрослый (29%), взрослый – взрослый (14%), ребёнок – ребёнок (29%), ребёнок сам по себе (14%), взрослый сам по себе (14%). Причём если предоставленный самому себе ребёнок выступает в роли лежащего на печи лентяя (пословица «У лодыря что ни день, то лень»), то одинокий взрослый, напротив, является образцом умного трудолюбия.

С иллюстрации к пословице «Чтение – лучшее учение», на которой запечатлён прилежный молодой человек (вчерашний отрок) с книгой в руках, можно считать, – примечательные культурные значения. Молодой человек, сидя на пеньке, внимательно читает книгу, недалеко от него стоит ветряная мельница. Физический труд, труд на поддержание телесных потребностей человека оказывается отделён от труда духовного, и более того, он вступает с ним в молчаливый конфликт.

В истории русской повседневности начала XX века широко известны случаи, когда крестьяне не соглашались отпускать своих отпрысков в учение, так как грамотный человек выпадал из своего социального сословия и стремился к культурным горизонтам городской жизни. Вряд ли художник 1990-х учтивал этот исторический факт. Он просто изобразил читающего человека сосредоточенным на своём личном, а не общественно значимом (труд на мельнице) деле: культура грамотного человека, замыкаясь на самой себе, течёт как бы параллельно миру традиционному.

Прямыми подтверждением этого эксплицитного культурного значения служит иллюстрация к еще одной пословице «Люби дело – мастером будешь». На ней изображены отец и сын. Отец сажает дерево, сын стоит рядом и читает книгу. Каждый из них занят своим делом и не помогает другому. Отец как истинный «питомец» крестьянского мира является мастером по его поддержанию и процветанию (дерево – символ этого процветания и установленного издревле миропорядка). А сын, вероятно, в некотором будущем станет творцом совсем иного, построенного на книжной мудрости мира.

Таким образом, конфликт поколений, взорвавший на рубеже XIX – XX веков старый социальный порядок, находит свое воплощение и при ретроспективном взгляде в глубину веков. В этом контексте все остальные народные сентенции с форзаца «С книгой жить – век не тужить», «Пока живёшь, до тех пор учись», «Хорошо того учить, кто слушается», «Хорошая книга – лучший друг» выглядят не столь привлекательно и однозначно. Приобщение к грамоте, к истокам народной культуры только для старого и малого (остальных героев иллюстраций) выступают в радужном свете. Его культуротворческая, педагогико-прогностическая установка оказывается весьма амбивалентной.

Иллюстративное оформление форзацев третьей книги (*рис. 14–17*) выполнено совсем в иной художественной концепции. На них совершенно отсутствуют дети, зато мак-

симально репрезентирована национальная история: древние ратные подвиги русичей (рис. 14), модернизация России в петербургскую эпоху (рис. 15).

Во второй части третьей книги даже сделан выход за пределы исконно «своего» мира: православное наследие России (рис. 16) вступает в диалог с католическо-протестантским миром Западной Европы (рис. 17). На первом форзаце второй части учебника мы видим изображение большого православного монастыря (по-видимому, Троице-Сергиевой Лавры) (рис. 16), на втором – средневековой Праги с католическим или протестантским соборами рядом с башней Карлова моста (вероятно, потому, что последний раздел книги посвящён западноевропейской детской литературе) (рис. 17).

Над стенами Лавры помещена единственная пословица «Учение – лучшее богатство». Получается, что транслятором такого учения уже становится не просто традиционная, а собственно религиозная культура. При этом сами носители этой культуры никак не представлены. Ни прихожан, ни священников под стенами православного храма нет. «Лейблом» патриархальной русскости выступают каменные стены и среднерусский пейзаж. Предлагаемые третьей книгой образы русской религиозности и сопряжённой с ней государственности обретают черты застывшего, лишённого живой жизни монумента.

Рис.14. 3-я книга. 1 часть. 1-й форзац

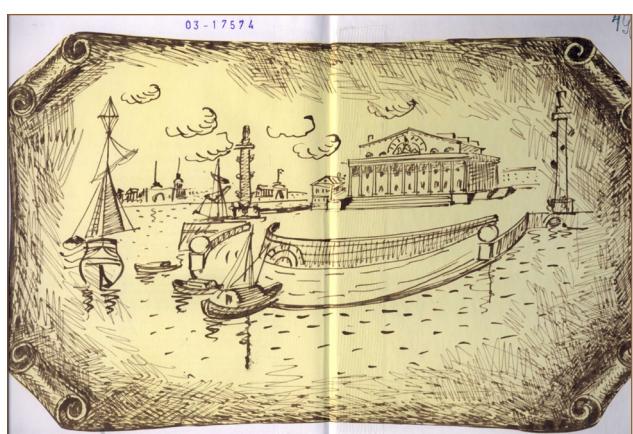

Рис. 15. 3-я книга. 1 часть. 2-й форзац

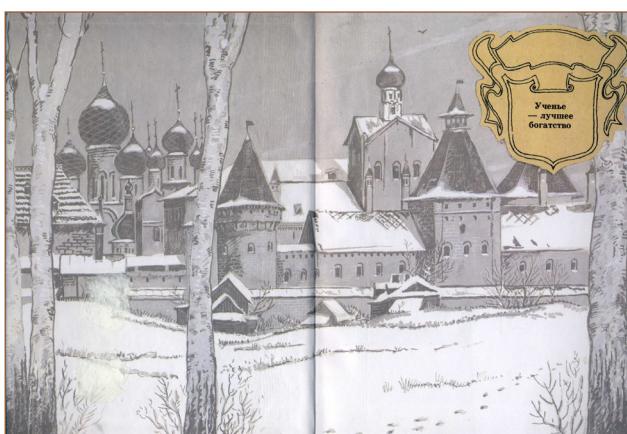

Рис. 16. 3-я книга. 2 часть. 1-й форзац

Рис. 17. 3-я книга. 2 часть. 2-й форзац

2000-е годы

«Я пойду по дороге – простору я рад»: дети-глобалисты и новая Россия

В начале 2000-х годов произошло очередное обновление педагогического содержания учебных пособий. Под руководством В.Г. Горецкого были созданы семь новых книг по чтению всё с тем же названием «Родная речь» (сост. Л.Ф. Климанова и др.) [8]. Книга для 1-го класса не имеет рисунков на форзацах. Белый фон – это нулевой знак, который можно проинтерпретировать по-разному.

Во-первых, авторы пособия могут выстраивать систему значений «ребёнок = белый лист», ведь у начинающего ученика пока отсутствуют системные знания по изучаемому предмету, его школьный читательский багаж еще пуст.

Во-вторых, белый фон – это своего рода приглашение в мир «большой литературы»; мир, который владелец учебника может создать сам, оставив на белом форзаце свои первые рисунки и надписи (дети 7–8 лет мало отличают учебник от рабочей тетради: современные тетради выполнены на печатной основе, их размер и оформление, во многом, повторяют сам учебник).

Так возникает вторая система значений «ребёнок = художник, творец». И таких значений можно отыскать множество, широта интерпретаций знака «белый фон» зависит от каждого индивидуального контакта ребёнка с учебником и не может быть детально представлена в рамках данного исследования.⁵

А на форзацах учебника 2 класса читатель/зритель видит цветную, работающую на позитивную эмоцию картину (*рис. 18–19*). Самых детей на ней нет, но зато присутствуют знакомые каждому читателю герои, которые репрезентируют фантастический мир детства.

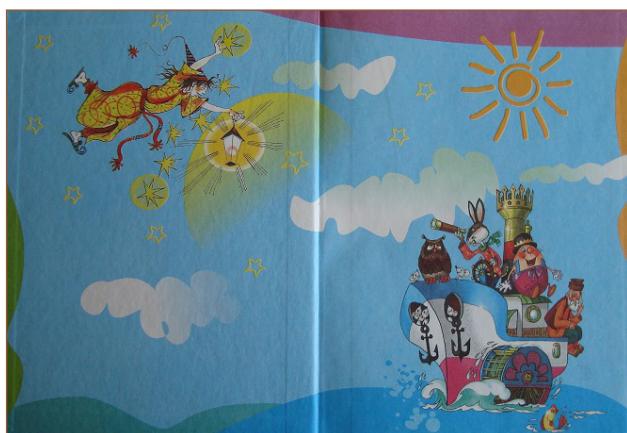

Рис. 18. 2 класс. 1-2 части. 1-й форзац

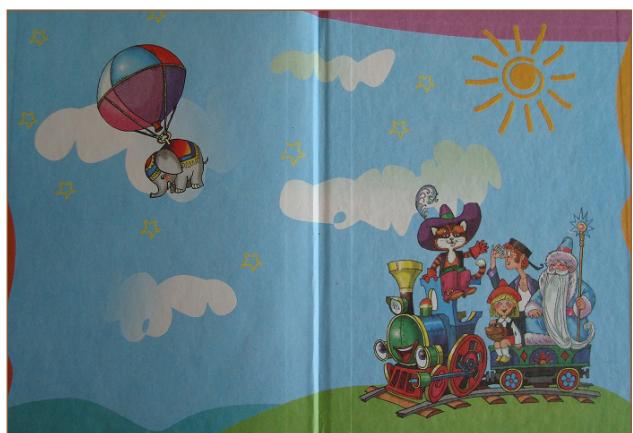

Рис. 19. 2 класс. 1-2 части. 2-й форзац

⁵ В исследовании Л. Сайпа и К. Макгуайр выделено 4 типа форзацов в иллюстрированных детских книгах: одноцветные без изображений, разноцветные без изображений, с одинаковыми изображениями на 1-м и 2-м (т.е. начальном и завершающем) форзацах, с разными изображениями. Они подчеркивают различный функционал у данных четырех типов [2].

Заяц, Сова, Шалтай-болтай и другие литературные персонажи, как бы показывают маленькому школьнику его самого «изнутри», более ориентируясь на общие читательские интересы, нежели на каких-то конкретных детей (мальчиков или девочек, учеников или игрунчиков, отличников или двоечников).

На обеих иллюстрациях в качестве доминирующей представлена идея движения: феи и слоненка по воздуху, сказочных персонажей на корабле и поезде. Все они влетают, вплываются, въезжают из детского чтения в школьную жизнь. Ребёнку-читателю прививают уверенность в том, что его знакомцы (Кот в сапогах, Красная шапочка и т. д.) не оставят его и в классе, и в школьном мире в целом. «Пейзаж» на форзацах дан слишком обобщённо: по нему невозможно понять, по какой территории движутся нарисованные герои. Важно, что все герои ориентированы не на замкнутое существование (в границах СССР или «золотого фонда русской культуры»), а на идею продвижения, освоения, в том числе с помощью чтения, новых территорий, идею постижения новых культурных горизонтов.

Еще один примечательный герой помогает создателям книги для второго класса раздвинуть границы детского мира. Слонёнок на воздушном шаре становится сквозным персонажем и присутствует в учебнике три раза: на титульном листе, на втором форзаце, на тыльной стороне обложки. Он исполняет роль безмолвного свидетеля, знающего обо всех реальных и фантазийных мирах.

Воздушный шар может восприниматься как малая копия Земли. Это пространство, параллельное земному, и, в то же время, неразрывно с ним связанное. Слон, летящий на воздушном шаре: «взрослый» образ, синтезирующий архетипичные людские мечты (идея полёта, отрыва от земного притяжения) и «реальные» человеческие достижения, свободу полёта (с «помощью» литературного слова одно из самых тяжёлых животных становится лёгким и грациозным). Нежный возраст персонажа с шаром делает его равным читателям учебной книги, пребывающим в невинном состоянии *homo sapiens puerilis*. Ожидания детей и взрослых становятся равновеликими в этой детали, на первый взгляд, пустячной, но претендующей на то, чтобы обозначать возможность и посильность для слонёнка = ребёнка открыть/облеть/познать весь мир.

Форзацы двух книг для третьего класса уже выстроены иначе. Они играют роль визуального предисловия ко всем разделам учебных книг и к помещённым в них текстам и иллюстрациям. Названия разделов приведены вместе с символизирующими их картинками. Образы форзацев первой части третьего класса (рис. 20) одновременно отсылают к русскому прошлому и настоящему: певца из «Слова о полку Игореве» и Нестора-летописца приветствует сегодняшний школьник, одетый в российский триколор. Мальчик стоит на пригорке, позади него – сумрачный сказочный лес. Выходя из тёмного потустороннего мира, он, такой счастливый и современный, попадает не в настоящее, а в глубокое прошлое своей страны.

Триколор в одежде мальчика указывает на то, что эту страну можно именовать Россией. Образы древнерусского воина, гусляра и Нестора отсылают к архаическому названию «Русь». Эта всеподавляющая «русскость» закреплена и в портрете мальчика, русые волосы которого уложены на прямой пробор. Если в образах взрослых можно прочитать

Рис. 20. 3 класс. 1 часть. 1-2-й форзацы

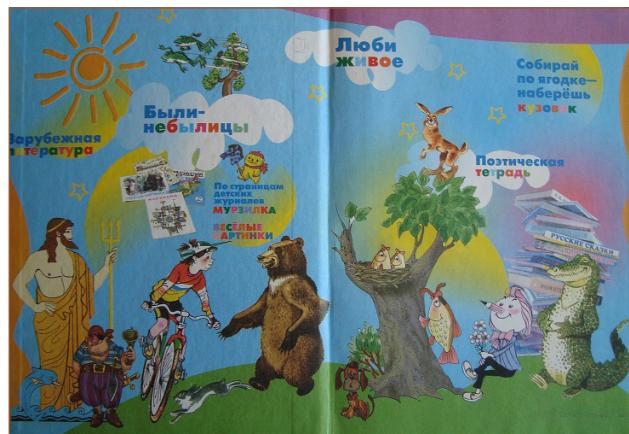

Рис. 21. 3 класс. 2 часть. 1-2-й форзацы

подчёркнутую серьёзность и отстранённость, то в фигуре и мимике ребёнка, напротив, можно уловить долю мягкого юмора.

Его по-мультишному разинутый рот, съехавшая на затылок кепка и высоко поднятый торжественный букет выглядят несколько нелепо. В этом эклектичном образе как бы сталкиваются *детскость* (песенная улыбка, ненужная кепка) и *взросłość* (большущий букет). Брызгущая радость российского мальчика вроде бы направлена на зрителей, но его взгляд невозможно поймать, так как он обращён вбок, мимо зрителей, в бесконечность.

Так замкнутое прошлое Руси (взрослые с форзаца полностью поглощены своими делами и смотрят «внутрь себя») минует стадию настоящего и через восторженный взгляд «милого ребёнка» перекочёвывает в будущее. Современная социальная реальность России может быть доступна начинающему третьекласснику – читателю учебника – только через книги (они грудой лежат около гусляра), прямого её изображения на форзаце конструкторы пособия пока не предлагают.

На форзаце второй части третьего класса (рис. 21) усиlena атмосфера сказочной не-настоящности и запредельности. В число значимых персонажей попадают как стопроцентно «свои» (бурый медведь, серый заяц, рыжий щенок, мальчик на велосипеде, Карандаш), почти «свои» (Бармалей и Крокодил из сказок К. Чуковского), так и «чужие» (Посейдон, дельфин). Пространство «родной сказочно-детской словесности» освящено присутствием некоего мирового древа, на котором вьют гнёзда рыбы. Общий антураж сюжета явно отсылает к «Путанице» К. Чуковского. Строки «Рыбы по полю гуляют, / Жабы по небу летают» проиллюстрированы вполне узнаваемо.

И вот в это чудесное пространство въезжает мальчик на велосипеде, который с интересом наблюдает за происходящим, но не застревает в сказочном измерении, а проезжает мимо. Юный велосипедист 8–10 лет съезжает с зелёного пригорка и как бы едет на зрителей. Его спортивный вид (шорты, полосатый лёгкий свитер, кепка, кеды, носки), открытое пространство вокруг него подчеркивают отсутствие школьного элемента в этой системе значений.

На заднем плане помещены детские журналы («Весёлые картинки» и «Мурзилка»), за деревом свалена груда толстых книг. Вся эта книжная премудрость и литературные пер-

сонажи почти не волнуют маленького спортсмена. Его пристальная заинтересованность возникла по поводу ДРУГОГО занятия. Раскрепощённость тела говорит в пользу того, что занятие это предельно личное, совершенно не связанное с выполнением каких-либо обязанностей или обязательств. Телесные практики ребёнка: ловкая посадка на велосипеде с сильно приподнятым сиденьем и припущенными вниз рулём – выдают в нём «реального» мальчишку, который обладает модным для начала 2000-х годов спортивным велосипедом и соответствующим снаряжением. Обладание таким велосипедом указывает на «просвещённость» героя в вопросах социального престижа и модных пред-тинейджеровских тенденций, дающих/легитимирующих ученику далее (т. е. в подростковом возрасте) возможность приобщаться к экстремальным формам досугового времяпрепровождения.

Предельно личный характер визуального послания намекает на возможность «полного отрыва» (вспомним актуальный слоган начала 2000-х: «Оторвись по полной») от будничных дел, источниками которых обычно выступают взрослые с их правилами и потребностями.

Здесь же, в пространстве литературных реалий, такие взрослые отсутствуют, а Посейдон и Бармалей, вряд ли «обладают» моральными установками современных мам и пап. Получается, что учебник по чтению включает смыслы, указывающие на пространство желанного ничегонеделанья. Он имеет в своем арсенале визуальные образы, являющие «истинные» мальчишечьи желания.

В свою очередь, транслируемые таким учебником смыслы, негромко (без победного пафоса) претендуют на некоторую коллекцию важных жизненных истин. Место категории неизбежного долга перед страной, родителями, детской политической организацией теперь занимает идея личного самоуважения (следуя еще одному популярному слогану 2000-х: «Я этого достоин»). Так, действуя языком рекламы и структуру ее визуального ряда, учебник по чтению замыкает круг значений и использует образ спортивного мальчика в роли воспитателя и воспитуемого одновременно.

Авторитарные вертикали теряют силу своих значений. Мир, расширенный до любой точки планеты в своей доступности и свернутый к точке по имени «субъект» в своей реализации, держится на горизонталях (шоссейные и железные дороги, авиалинии, сеть Интернет). Мальчик на «велосипеде знаний» сможет покорить любые географические, когнитивные, этические и иные пространства, если использует свою заинтересованность на постижение и освоение их «горизонталей» также легко, как он оседлал велосипед и сросся с ним.

Мир фантазий и мир детской словесности проникают друг в друга и накрепко срастаются. Ловкий спортсмен смотрит на них как бы свысока, по-взрослому. Идея сопряжения детскости и взрослости уже не воспринимается эклектично-юмористической, как это было на форзаце первой книги третьего класса (*рис. 20*). В образе маленького спортсмена (*рис. 21*) она выглядит более органичной за счёт того, что зрителям явлено конкретное, лично значимое действие. Прогулка на велосипеде оказывается одновременно и «ездой в незнакомое», неведомое, «чужое» (Посейдон, дельфин, зарубежная литература), и ездой в знакомое, привычное, «своё» (были-небылицы, «Весёлые картинки», герои К. Чуковского, поэтическая тетрадь).

Это «своё» и «чужое» органично переплетается на форзацах учебника четвёртого класса. На них количество детей значительно возрастает. Вместо одного-единственного ге-

Рис. 22. 4 класс. 1 часть. 1-2-й форзацы

Рис. 23. 4 класс. 2 часть. 1-2-й форзацы

роя присутствуют сразу трое (рис. 22) или четверо (рис. 23) персонажей. Зрителям демонстрируют теперь не только российских мальчиков/девочек, но и их заграничного друга – Тома Сойера.

На форзаце первой книги четвёртого класса (рис. 22) есть примечательная деталь: нарисованные здесь дети являются также героями со страницы 127, где помещён шмунтил к разделу «Родина» (см. вторую книгу четвёртого класса). Только вместо слова «Родина» на иллюстрации значится название ещё одного тематического раздела «Летописи. Былины. Жития».

Получается, что точкой отсчёта для конструирования образа Родины служат тексты древнерусской словесности и, соответственно – светская и религиозная история Киевской Руси. Героями родных просторов на форзаце, однако, становятся не воины или гусляры, а ОЧЕНЬ ОБЫКНОВЕННЫЕ ДЕТИ. Они с радостью участвуют в зимних забавах. Мальчик и девочка стоят на вершине снежной горы, высоко подняв руки, и ещё одна девочка мчится вниз на снегокате.

Все дети улыбаются и, возможно, смеются, так как их рты приоткрыты. За спиной детей изображены заснеженные деревья, за которыми виднеются городские высокогородские дома. Зимний пейзаж и блочная архитектура усиливают ощущение настоящности, сегодняшности, сейчасности.

Тут же рядом с детьми протекает другое время: осенне (жёлтые берёзы, красная рябина), летнее (цветущая роза), – и живут сказочные герои (Конёк-горбунок, жаба). Мальчик и девочки как бы объединяют в себе все времена/пространства, становясь тем самым центром маленькой вселенной, сказочной (Конёк-горбунок), ностальгирующей (беседка у пруда), беззаботной (птица в небе). Эта освещённая радостными улыбками детей вселенная посвящена разным граням литературного творчества. На облаках указаны названия всех тематических разделов первой книги: «Чудесный мир классики», «Поэтическая тетрадь», «Литературные сказки». И уже знакомые нам – «Летописи. Былины. Жития».

Слово «Родина» на форзаце второй книги (рис. 23) подано в романтизированном ключе. Оно проассоциировано с изображением «домика детства», сельского жилища

на фоне наступающего города, с которым увязывается детство мальчика с девочкой, идущих вместе по грибы или ягоды. Над детьми красуется надпись «Страна детства». Герои везут в грузовой машине 1950-х годов плюшевого медведя. Вместе с одноэтажным сельским домиком этот детский персонаж-пассажир грузовика воплощает идею «щемящего прошлого». Прошлое, однако, не портит настроения детям. Они улыбчивы и подвижны.

Интересно, что именно на форзаце второй книги четвёртого класса (то есть тогда, когда обучение в начальной школе выходит на финишную прямую) зрители встречают ДРУГИХ, не похожих на самих себя, детей: Алису Селезнёву и Тома Сойера. Радостные, активные российские и американские дети, чья жизнь бодро регламентируется будильником, отдают своё свободное время разным делам. Они заботятся о пропитании (дети с корзинками), собираются что-то покрасить (Том с ведром краски) или отправиться в межпланетное путешествие (Алиса в костюме космонавтки). Причём, американец Том вполне встроился в российскую жизнь, где еще есть заборы вокруг деревенских домов, хранящих запахи детства. Хорошо, что форзац учебника четвёртого класса открывает возможность диалога с детьми из других времён и культур, вот только времена и культуры оказываются не «своими близкими», а весьма «дальними», «возлюбить» которых гораздо легче, нежели представителей «ближнего зарубежья».

Сформулируем выводы. На форзацах книг по чтению **1980-х годов** воплощалась идея романтического олицетворения социализма в идеальных детях, имевших русские (славянские) черты. Она была реализована через презентацию социально значимых эмоций быстро подрастающих младших школьников. Учебная книга как бы помогала ученикам, ориентируясь на идеологически правильные примеры, телесно усвоить и реально пристроить личные и общественные отношения.

Эти примеры играли роль информационных матриц. Они помогали детям и взрослым устанавливать верные социальные границы, соотносить поведенческие и биографические стратегии с радужным настоящим и прошлым своей страны (1 класс), с её (интер)национальной политикой (2 класс), с её военной мощью и высоким гражданским долгом (3 класс). Многоступенчатость процесса социализации была одновременно задана в микро- (дети) и макромасштабе (Родина). Каждый свой шаг ученик должен был выверять «большими политическими мотивами» страны Советов. При этом *советскость* служила пропуском в мир правильных, социально одобренных отношений, как внутри страны, так и в рамках всего мирового сообщества.

Идея приобщения учеников к истокам традиционной *русскости* была ведущей на форзацах книг по чтению **1990-х годов**. Её реализация была спонтанной, не всегда идеологически продуманной. Так отсутствие топографии конкретной страны и резкое смещение акцента культурных значений с общественно значимых смыслов на личностнозначимые на иллюстрациях первой книги привело к тому, что в семантике визуальных посланий усилился игровой элемент.

Однако, педагогический замысел воплотить «игру в прошлое» в реальную жизнь оказался очередной социальной утопией. Эту утопичность ярче всего передавали иллюстрации с форзацев второй книги, где иномирность сказочного пространства вступала в конфликт с духовно-нравственными запросами визуальных героев. А на форзацах тре-

тьей книги идея традиционной русской превратилась из забавного карнавально-балаганного действа (первая и вторая книги по чтению) в застылый памятник прошлого некогда великой державы. Так, вероятно, воплотилась ностальгия конструкторов учебного пособия по идеологически понятным режимам и авторитетам.

Используя язык современных рекламных стратегий, учебник по чтению **2000-х годов** отказался от явной сказочной символики. На его форзацах выстраивается ощущение реальности изображённого, демонстрируется яркость текущего мгновения. Детские фантазии предстают в виде «реально» существующих героев, по пропорциям фигур, разработанности имиджа, эмоциональным реакциям ничуть не уступающих детским образам и не сильно превосходящих их.

Отелесивание фантазии отсылает читателя/зрителя к эстетике компьютерных игр, «родная русская речь» при этом позиционируется как часть привычного ребёнку и постоянно расширяющегося перед ним мира. В диалог со зрителями на форзацах вступают дети 8–12 лет. Эти дети не отличники, не октябрьта, не «сыновья полка» и т. п. авторитетные фигуры. Их одежда нисколько не напоминает униформу или старинный русский наряд. В образе таких обыкновенных, довольных собою и жизнью детей преобладают значения самостоятельности, счастья, личной и социальной востребованности, радости в прикладывании усилий, в деятельности вообще.

Образы родины вырастают строго параллельно образом детей: от чистого белого листа – через сказочный хронотоп – к конкретным портретам и «родным» пейзажам. Причем границы этого мира одновременно оказываются и уплотнены, и раздвинуты, транслируя тем самым идею *«Локальности*, то есть идею, синтезирующую уникальность локального и притягательность глобального измерений.

Если попробовать свернуть идеологию визуальных посланий до афористических формул, то можно сформулировать метапослания с форзацев разных десятилетий следующим образом:

- советскость 1980-х – «На просторах **молодой, бескрайней** родины дети быстро взрослеют и становятся **гражданами**. Они готовы к защите ее *священных рубежей*»;
- рускость 1990-х – «В **сказочно-могучей, патриархальной** стране живут **трудолюбивые и грамотные** дети. Они *свято чтут ее традиции*»;
- глобальность 2000-х – «По дорогам **гармоничной, радостной** страны путешествуют **заботливые, игривые** дети. Они *знают свою культуру и открыты к диалогу с другими культурами*».

Рассмотрев друг за другом 23 иллюстрации 1982–2006 годов, мы реконструировали содержание каждого визуального послания и убедились в том, что форзацы книг по чтению служат своего рода навигатором в мире фикциональной литературы и в мире реальной культуры. На них запечатлены такие социально значимые объекты, которые формируют у маленького зрителя как образ его самого, так и образ места жительства некоторых идеальных людей (детей и взрослых). Данная работа затронула небольшой сегмент семантико-педагогических исследований, посвящённых дешифровке визуальных посланий из учебных книг для начальной школы. Она показала, что иллюстрации с форзацев могут быть предметом скрупулезного гуманитарного анализа.

Список литературы:

1. *Genette, G. Paratexts: Thresholds of Interpretation / G. Genette ; trans. J. E. Lewin. – Cambridge, 1997. (фр. изд. 1987).*
 2. *Sipe L., McGuire C. E. Picturebook Endpapers: Resources for Literary and Aesthetic Interpretation // Children's Literature in Education. Vol. 37. – Issue 4. – 2006. – P. 291–304.*
 3. *Безрогов, В. Г. Дети и Родина в современном российском учебнике для начальной школы / В. Г. Безрогов // Берестень : философско-культурологический альманах. – НовГУ, 2009.*
 4. *Голованова, М. В. Родная речь : учеб. по чтению для учащихся начальной школы : в 3 кн / М. В. Голованова, В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова. – М., 1992–1994.*
 5. *Горецкий, В. Г. Книга для чтения. 1–3 кл. / В. Г. Горецкий, Л. С. Геллерштейн. – М., 1976–1978.*
 6. *Гусейнов, Г. Ч. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом / Г. Ч. Гусейнов. – М., 2005.*
 7. *Добренко, Е. А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. А. Добренко. – СПб., 1997.*
 8. *Климанова, Л. Ф. Родная речь : учеб. для 1–4 кл. нач. школы / Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова. – М., 2003–2006.*
 9. *Книга для чтения. 1–3 кл. / В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова, Л. К. Пискунова, Л. С. Геллерштейн. – М., 1982–1984.*
 10. *Колотов, А. А. Паратекстуальный подход в современном литературоведении / А. А. Колотов // I Международная заочная научно-практическая конференция «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (30 сентября 2011 г.) : сб. м-лов конференции. – Краснодар, 2011. – С. 37–41.*
 11. *Сандомирская, И. И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик / И. И. Сандомирская. – Вена, 2001.*
-

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2012, № 5